

В. Л. Пянкевич

«Успех только будет при открытии коммерческих магазинов»: Горожане, власть и государственная коммерческая торговля в блокадном Ленинграде*

Во время Великой Отечественной войны большинство ленинградцев оказались в катастрофическом положении прежде всего из-за нехватки продовольствия. Один из вариантов выхода из тяжелейшей ситуации городская власть и часть горожан видели в государственной коммерции — продаже продуктов питания по значительно более высоким, нежели в обычных магазинах, ценам.

Исследователи обращались к этой теме, затрагивая ее, в том числе на материалах блокадного Ленинграда¹. Изучение проблемы государственного торгового предпринимательства позволяет выяснить его роль в жизни заблокированного города, отношение к нему обычных горожан и руководства Ленинграда. Введение сначала в Москве и Ленинграде, а затем в СССР в целом карточной системы распределения с практически одновременной организацией коммерческой торговли и общественного питания в двух крупнейших городах должно было помочь преодолеть кризис, разразившийся с началом войны, когда полки магазинов обвально пустели, снизить ажиотажный спрос и, конечно, пополнить бюджет.

Согласно постановлению Ленгорисполкома, принятому 19 июля 1941 г. в соответствии с приказом Наркомторга СССР от 16 июля 1941 г., в торговой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00369 «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города, 1941–1944 гг.».

сети Ленинграда, Колпина, Кронштадта, Пушкина, Петергофа была организована торговля нормированными товарами без карточек по повышенным ценам². Такая коммерция, тем не менее, велась не повсюду, а в ограниченном количестве магазинов³. В 71 магазине можно было купить без карточек всё что угодно и в любом количестве: сахар, масло, мясо, икру. Но цены были высокие⁴. Торговля по повышенным ценам была организована не только в коммерческих магазинах «специализированной розницы», но и в предприятиях общественного питания⁵. В ресторанах, кафе и буфетах стали продавать кухонную и буфетную продукцию, изготовленную из нормированных продуктов, без талонов продовольственных карточек, но с надбавкой 200% на стоимость сырья⁶. В городе работало более 50 таких ресторанов, 7 кафе в Домах культуры, буфеты при 22 кинотеатрах⁷.

Организация коммерческой торговли одновременно с введением продовольственных карточек рассматривается исследователями достаточно критично: недооценка громадной опасности, уже нависшей над Ленинградом, непродуманная мера, которая не только не привела к существенной экономии, но обусловила значительный расход продовольствия⁸. Между тем такая форма государственного предпринимательства была продолжением довоенной политики использования сбережений населения и пополнения бюджета. Нарком финансов СССР А. Г. Зверев вспоминал: «Иногда внезапно возникала ситуация, когда срочно требовалось пополнить казну крупной денежной суммой, а взять ее было неоткуда. Тут на помощь приходила продажа по “коммерческим” ценам товаров, пользовавшихся спросом. Выручал нас, как правило, нарком внешней торговли А. И. Микоян, распоряжавшийся немалыми товарными фондами. Не раз и не два проводили мы пополнение бюджета таким образом совместно и с другими наркомками. Слова “на нужды фронта” были в те дни волшебными»⁹.

Поначалу вид полных прилавков и высокие цены коммерческих магазинов вселяли ложную уверенность в продовольственном благополучии. Если в обычных магазинах на пользовавшиеся наибольшим спросом масло, колбасу и другие продукты пришлось ввести норму отпуска в одни руки, то в коммерческих продукты не нормировались¹⁰. Государственная коммерция была доступна далеко не всем. «Мы практически покупать могли очень немного: цены были очень высокими»¹¹. «Коммерческие магазины были недоступны (не по карману)»¹². «Народ заходит, смотрит на цены и выходит из магазина, ничего не купив»¹³. «Все ходят и не покупают»¹⁴. Однако достаточно быстро дороговизна перестала останавливать. В августе 1941 г. нараставший спрос приводил к тому, что у коммерческих магазинов, ресторанов, столовых и кафе по утрам стали выстраиваться длинные хмурые очереди¹⁵. Понимая, что надо готовиться к тяжелым испытаниям, горожане начали покупать продукты по любой цене, на все свои средства. Хотя такое государственное предпринимательство осуждалось: «Окраска этого коммерчества дрянная. Кто имеет день-

ги — кушайте белый, а кто с ограниченными возможностями — можете лопать черный. То же деление на имущих и неимущих»¹⁶.

Доля продовольствия, реализовывавшегося через различные формы ведомственного, специального снабжения, коммерческую торговлю и общественное питание, была достаточно велика. Так, если через розничную сеть по карточкам продавалось 66% мяса и мясопродуктов, 68% жиров, сахара и кондитерских изделий, 66% макарон и крупы, то через сеть предприятий общественного питания и закрытых учреждений реализовывалось 24% мяса и мясопродуктов, 20% жиров, 24% сахара и кондитерских изделий и 27% макарон и крупы. Кроме того, через магазины, реализующие товары по повышенным ценам, продавалось 10% мяса и мясопродуктов, 12% жиров, 8% сахара и кондитерских изделий и 7% макарон и крупы¹⁷.

Обладая крайне тревожной информацией о ситуации с продовольствием в Ленинграде, власти стремились пополнить бюджет. Накануне начала свертывания коммерческой торговли в городе появился проект постановления СНК СССР о повышении розничных цен на некоторые продовольственные товары в коммерческих магазинах города. В соответствии с этим документом предусматривалось значительно повысить с 1 сентября 1941 г. цены на большинство продовольственных товаров. Так, цена мяса, колбасных изделий, растительного масла должна была возрасти на 50%, масла животного — на 60%, рыбы и рыбных консервов — на 75%, крупы — на 80%, печеного хлеба, макаронных изделий, сахара, кондитерских изделий, соленой сельди, икры красной, консервов фруктовых — на 100%, сыр должен был подорожать на 200%, а чай и куриные яйца — на 300%¹⁸. Однако одновременно с введением в начале сентября 1941 г. в городах СССР карточной системы на продовольствие и первым сокращением в Ленинграде норм отпуска продуктов по карточкам коммерческая торговля в городе стала сворачиваться. Секретным решением Военного совета обороны Ленинграда от 27 августа 1941 г. председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову было поручено проработать вопрос о сокращении коммерческой торговли в городе. В течение двух суток глава городской администрации должен был представить проекты постановления Военного совета по этому вопросу¹⁹.

Считается, что 1 сентября 1941 г. система коммерческой торговли в Ленинграде была ликвидирована. В отчете, подписанном заведующим отделом торговли Ленгорисполкома И. А. Андреевко, отмечается: «В сентябре 1941 г. были приняты жесткие меры экономии продовольственных товаров: ликвидирована торговля по повышенным ценам»²⁰. Одновременно с ликвидацией торговли по повышенным ценам 1 сентября в Ленинграде была запрещена свободная торговля продовольствием на рынках²¹. Между тем упразднение коммерческой торговли в Ленинграде, так же как фактическое прекращение работы рынков, произошло не сразу. Более того, колхозные рынки, формально закрытые, на практике продолжали действовать, государственная продовольственная коммерция длилась и после 1 сентября. Лишь 10 сентября

в целях экономии продовольственных товаров было принято секретное постановление Военного совета Ленинградского фронта о сокращении 35 предприятий общественного питания, торгующих по коммерческим ценам²². «8 сентября в Ленинграде еще работали так называемые “коммерческие” магазины, где продавали продукты без карточек, хотя и по большой цене»²³. Очевидец не ошибается. В соответствии с распоряжением И. А. Андреевко лишь с 16 сентября 1941 г. сеть предприятий общественного питания, торговавших по коммерческим ценам, сократилась до 15²⁴. Согласно отчету отдела торговли Ленгорисполкома, это произошло 22 сентября 1941 г.²⁵ В числе пятнадцати продолжавших работать по коммерческим ценам предприятий были рестораны, находившиеся в центре города, при крупных гостиницах, вокзалах, в Кронштадте²⁶. Коммерческие предприятия общественного питания были весьма востребованы. «В октябре 1941 г. работал ресторан “Белые ночи”, в котором можно было купить какое-нибудь “коммерческое блюдо”. Например, картошку с соусом, тушеную капусту или тарелку супа, <...> а очередь в ресторан занималась с раннего вечера, и стоять приходилось всю ночь вплоть до 12 часов дня»²⁷. Коммерческая продажа товаров в столовых и ресторанах Ленинграда прекратилась с 11 ноября 1941 г.²⁸

Между тем в условиях ухудшавшейся ситуации с распределением продовольствия посредством карточек росло значение иных форм самоснабжения блокадников. Растущую роль стихийной рыночной торговли признавал в конце ноября и начале декабря 1941 г. и. о. директора городского управления рынками Кириллов, который предлагал, считая неорганизованный частный торг «явлением, имеющим существенное значение в жизни города», «на известный период времени легализовать толкучки на пяти колхозных рынках». Чиновник признавал, что борьба со стихийными торжищами репрессивными мерами не дает должных результатов при одновременном значительном росте потребности населения в рынках²⁹.

В конце октября — начале ноября 1941 г., когда происходил процесс окончательного сокращения коммерческой торговли, положение большинства блокадников стало невыносимым. Именно в это время в городе стали возникать неформальные известия о государственной коммерции. «Теперь всё настойчивее идут слухи об открытии коммерческих магазинов<...> Публика всё еще верит, что будут давать дополнительно по 200 гр[аммов] хлеба по коммерческой цене»³⁰. «Упорно говорили об открытии нескольких коммерческих магазинов с сильно повышенными ценами, но без карточек»³¹. Такого рода известия были отражением бедственности положения, осознания еще большей мрачности будущего и одновременно интуитивным средством морально-психологической компенсации. Затем на некоторое время разговоры о коммерческих магазинах или хотя бы о продаже хлеба по повышенной цене прекратились.

Поздней осенью и зимой 1941 г., когда положение с продовольствием стало катастрофическим, многие ленинградцы были поражены и раздражены

масштабами стихийной рыночной и спекулятивной торговли и в то же время были вынуждены посещать рынки. Те же, у кого имелись средства и ценные вещи для обмена, готовы были тратиться, покупать продукты за «любые» деньги. Стремившаяся спасти от голода и смерти свою мать С. К. Островская записала в дневнике 23 января 1942 г.: «И как страшно мне видеть и знать, что физически гаснет и затухает самое близкое и любимое, а я не могу ничем помочь... Мне нужно масло, мне нужен сахар, мне нужен белый хлеб, нежные крупы, питательные консервы. А у меня нет ничего, кроме вещей, золота и брильянтов, с которыми мне нечего делать, ибо нет у меня такого обменного продуктового спекулянта!»³² Ленинградцы стали чаще думать, говорить и грезить об альтернативных способах выживания. Вновь возникли неформальные известия о скором появлении коммерческих магазинов. «Все мечтают о том, когда настанет лучшее время, когда будут продукты, когда можно будет, хотя бы даже по дорогой цене, в коммерческих магазинах купить, что захочешь»³³. «Сегодня вижу во сне, что открыли коммерческие ларьки, и я купила зеленого лука и косточку от ветчины»³⁴.

Торговые организации блокадного города пытались при активной поддержке и по настоянию своего руководства предоставлять ленинградцам дополнительные услуги, используя рыночную конъюнктуру. «Есть первая ласточка коммерции — открылась вчера коммерческая чайная на Разъезжей, где стакан чая с сахаром (с вырезкой!) 1 р. 50 коп.», — записал 10 февраля 1942 г. в дневнике востоковед А. Н. Болдырев³⁵. Хотя такая чайная не была в полной мере государственным коммерческим предприятием, ее появление, вкупе с безвыходностью продовольственного положения многих, способствовало новой волне разговоров и слухов о скором введении торговли по повышенным ценам. Основанием для таких неформальных известий могло быть и то, что продажа хлеба без карточек по повышенным ценам в начале 1942 г. велась в 27 городах СССР³⁶.

В дневниках и письмах блокадников сохранилось немало свидетельств разговоров о государственной коммерции в феврале–марте 1942 г. «Орленева утверждает, что Торгсины уже существуют в Сибири и на Урале. Если государство даст мне возможность получить овсянку, масло и сахар за мои брильянты и золотые безделушки, я буду глубоко благодарна государству»³⁷. «Говорят, что на фабрике-кухне открывается коммерческий зал в столовой, без пропусков и т. д.»³⁸. «Идут разговоры, что откроются коммерческие рестораны и магазины»³⁹. «Говорят, что откроются коммерческие магазины... Говорят о коммерческих столовых»⁴⁰. «Слышала Оля в очереди в амбулатории, будто открылось два коммерческих ресторана — на Введенской и Садовой, обед стоит 55 руб.»⁴¹. «Опять разговоры о прибавке и коммерч[еском] хлебе <...> Пр. говорит, что к 1 мая коммерч[еские] ма[газины] откроют»⁴². Слухи о грядущей возможности купить некоторое количество хлеба по коммерческой цене были реакцией на значительный размах спекулятивной торговли. У многих ленинградцев создавалось впечатление существования в городе большого количе-

ства «лишнего» хлеба, которого должно было хватить для государственной коммерции.

Большинство блокадников видело выход из критической ситуации в увеличении хлебных норм, наведении порядка в системе распределения, усилении борьбы с хищениями и спекуляцией. Другая, очевидно, меньшая часть горожан, обращалась к руководителям города, настоятельно советуя организовать в Ленинграде государственную коммерцию. Предлагавшие эту меру были уверены, что у обеих сторон будут для этого возможности: у государства хватит ресурсов для продажи (от 200 граммов до полукилограмма) хлеба по повышенным ценам всем желающим, а у последних — достанет для этого средств. Обращавшиеся к властям были уверены, что государство не только найдет резервы для дополнительного (к карточкам) снабжения, но будет продавать коммерческое продовольствие по более низким, нежели у спекулянтов, ценам. Так, средство преодоления засилья спекулянтов автор письма к А. А. Жданову некий «86-летний дядя Вася, бывший рабочий Путиловского завода» видел в «открытии коммерческих магазинов и ларьков», поскольку, писал он, «умираю от голода, хотя имею 10 тыс., но спекулянты денег не хотят, а вещи уже все обменял». Адресант отмечал, что в выигрыше будут государство и горожане. Ленинградцы, по его мнению, были бы счастливы, поскольку государство продавало бы продукты питания на 50% дешевле, чем спекулянты. Финальный призыв в письме был однозначен: «Успех только будет при открытии коммерческих магазинов»⁴³. Примечательно, что, реагируя на это обращение, первый секретарь горкома и обкома ВКП(б) направил это послание П. С. Попкову. Авторы другого анонимного письма предлагали И. А. Андреенку в марте 1942 г. для того, чтобы бороться с «громадной спекуляцией» и «принести государству нуждающемуся в средствах пользу», «открыть коммерческую торговлю хлебом, но не так, как это было, а при булочных, чтобы каждый, получая свой паек, мог кроме этого купить еще 500 гр[аммов] хлеба. Если это будет сделано, то это для населения уже вполне будет хватать этого хлеба, не будет нужды идти покупать этот хлеб на рынок»⁴⁴.

В условиях катастрофической нехватки продуктов питания те горожане, у которых были возможности, страстно желали и требовали появления не просто государственных коммерческих магазинов, но «торгсинов», где можно обменять ценные вещи на продукты питания. В первой половине 1930-х гг. такие торговые предприятия помогали людям выжить, одновременно позволяя государству получать значительные денежные средства. Часть блокадников надеялась, что в условиях нового голода власть возродит эту весьма выгодную для нее практику. Некто Лебедев предлагал Жданову бороться со смущавшей большинство ленинградцев спекуляцией по сути государственно-спекулятивными мерами: «...немедленно в городе открыть хотя бы несколько магазинов типа Торгсинов, где бы на золото и особо ценные вещи отпускались бы на 3–4 продукта: масло, сахар, крупа и мука. Сейчас же золото за бесценок, буквально

за гроши — 100 гр[аммов] хлеба или крупы, конфетки, скупается у населения темными дельцами, мародерами, спекулянтами, расхитителями и растратчиками, жуликами в торговой сети и в столовых»⁴⁵. Эта инициатива также заинтересовала партийного руководителя, который распорядился, чтобы ее рассмотрели чиновники, отвечавшие за снабжение ленинградцев. В подготовленной по этому письму аппаратом 16 июня 1942 г. справке отмечалось: «Заявление тов. Лебедева о скупке темными дельцами золота у населения за бесценку подтверждается. ...В целях искоренения спекуляции с драгоценными металлами следует выделить в центральных районах города два-три продовольственных магазина, в которых организовать приемку от населения золота и серебра по существующему скупочному прейскуранту Ювелирторга... с предоставлением населению права покупки в этих же магазинах основных продовольственных товаров на сумму, причитающуюся ему к получению за сданные драгоценные металлы, по коммерческим ценам на продовольственные товары, действовавшим в Ленинграде до октября 1941 г.». Авторы документа считали, что продажа основных нормируемых продтоваров взамен сданных ценных металлов создаст стимул к сдаче их государству, так как при «существующей системе, продав Ювелирторгу золото и серебро, население не может приобрести на полученные за них деньги продукты питания». Планировалось, что в результате реализации этого проекта блокадники будут иметь возможность приобрести за сданные государству ценные металлы хлеб ржаной 1 кг за 0,59 грамма золота или 32,8 грамма серебра. «Государство, исходя из существующей продажной цены Ювелирторга... получит в советской валюте от населения за 1 кг ржаного хлеба по золоту — 99 руб. 56 коп. и серебру — 110 руб. 54 коп.»⁴⁶. Рыночная цена на хлеб в июне 1942 г. колебалась от 350 до 550 р. за килограмм⁴⁷. Таким образом, в случае реализации этого проекта доходы государства в рублях были бы ниже, чем выручка частных коммерсантов, что было выгодно обладателям золота, серебра, драгоценностей.

Обращение некоторых ленинградцев, имевших ценные вещи, золото, драгоценности, к опыту 1930-х гг. было не случайно. Многие хорошо помнили магазины и ларьки объединения «Торгсин», где в период острой нехватки продуктов питания можно было в обмен на золото, серебро, наличную валюту и предметы старины приобрести продовольствие и иные потребительские товары. Безусловно, обладавшие ценностями и жизненным опытом потенциальные посетители новых «торгсинов» могли опасаться «внимания» к ним как со стороны репрессивных органов, так и криминального мира. И всё же ленинградцы предпочитали отдать свои ценности государству, поскольку полагали, что в государственном коммерческом магазине они получают больше, чем при обмене со спекулянтами, здесь не будут торговать похищенным, не будет «рыночного обмана». Помимо этого, выбор в пользу государственного предпринимательства определялся пониманием, что во время войны семейные реликвии пойдут не в карман тех, кого они ненавидели, а государству.

Реагируя на предложения ленинградцев, а также стремясь направить в государственный бюджет ценности, которыми блокадники расплачивались со спекулянтами, городские власти разработали план, по сути, возрождения магазинов «Торгсина». 6 августа 1942 г. был подготовлен проект решения Ленгорсовета «Об организации в городе Ленинграде продажи продовольственных товаров населению, сдавшему государству иностранную валюту, драгоценные металлы (золото, платину) и камни». Для организации такой торговли предполагалось выделить два магазина Ленгастронома, где Ювелирторг должен был организовать прием от населения иностранной валюты по курсу дня Госбанка, драгоценных металлов по существующему скупочному прейскуранту и драгоценных камней⁴⁸. В двух специальных магазинах в центре города и на Петроградской стороне выданные скупочным пунктом ценностей ордера должны были отовариваться продовольственными товарами на 100%, за исключением ордеров на принятые драгоценные камни, которые предполагалось отоваривать на 15%⁴⁹. В соответствии с проектом предполагалось установить на золото, платину, серебро и монету довоенные скупочные цены 1939 г. В частности за один грамм платины можно было получить 6 р., за один грамм золота 1000/96 пробы — 5 р. 91 к., за один грамм золота 988/92 пробы — 5 р. 60 к., за один грамм золота 937/90 пробы — 5 р. 48 к., за один грамм золота 375/36 пробы — 2 р. 20 к., за один грамм серебра можно было получить 7 к⁵⁰. Была подготовлена подробная инструкция «О порядке приемки от населения драгоценных металлов, камней и иностранной валюты и продажи ему продовольственных товаров»⁵¹. Кроме того, в приложении к проекту была детально разработана номенклатура таких товаров и продажная цена на них. В списке предлагавшегося в обмен были: ржаной и пшеничный хлеб, рис, гречневая и манная крупа, пшено, пшеничная мука, макароны, сахар, сливочное, топленое и растительное масло, говядина, полукопченая и вареная колбаса, шпик, сельдь, кондитерские изделия, чай, кофе, водка, портвейн высшего сорта, спички и мыло⁵². В частности, один килограмм ржаного хлеба должен был стоить в скупочных ценах 2 р. 20 к., пшеничного — 3 р. 50 к. и т. д.⁵³ Таким образом, за золотое кольцо можно было приобрести от 1 до 4 кг хлеба. Рыночная цена на килограмм хлеба в Ленинграде в августе 1942 г. колебалась от 250 до 400 р.⁵⁴

О серьезности намерений ленинградских властей говорит и то, что были детально разработаны формы ордеров на принятые драгоценные камни, золото и платину, а также чека, согласно которому соответствующему отделу специального магазина надо было «отпустить предъявителю сего взамен сданных (ценностей) по ордеру № ... следующие товары»⁵⁵. Нетрудно представить, насколько востребованными были бы новые магазины в случае реализации этого проекта. Без принуждения и даже с большой охотой те ленинградцы, у кого еще оставались ценности, отнесли бы их в обмен на продукты питания. С помощью коммерческой торговли, очевидно, можно было уменьшить имевшиеся в городе задолженности по выплате зарплаты и пенсий, снизить рыночные цены. Казалось бы,

государство не должно было упустить случай пополнить бюджет за счет коммерческой торговли, которую в народе открыто называли «госспекуляцией»⁵⁶. Однако проект организации в Ленинграде продажи продовольственных товаров за иностранную валюту, а также драгоценные металлы и камни не был реализован. По мнению Н. А. Ломагина, причиной стало то, что власть испугалась: коммерческими магазинами могли воспользоваться немногие ленинградцы, а у неимущих, кои составляли подавляющее большинство, это вызвало бы протест⁵⁷. Сложно сказать, в какой мере осуществлению проекта могло помешать потенциальное недовольство блокадников, поскольку открытия «золотых» магазинов ждали, судя по имевшимся в городе настроениям и востребованности торговли по повышенным ценам, многие. Следует также иметь в виду, что после первых губительных блокадных осени и зимы и масштабной эвакуации к августу 1942 г. в городе оставалось значительно меньше жителей. Руководители осажденного города должны были еще изыскать необходимые продовольственные ресурсы для осуществления задуманного. Продукты из государственных магазинов, торгующих в обмен на ценности горожан, неизбежно попали бы на рынки голодного города. Вполне реальной была опасность формирования вокруг государственной коммерции, как и в обычной распределительной системе, полулегальной и криминальной среды, которая выступила бы конкурентом государства. Планируя организовать коммерческую торговлю, когда враг оккупировал значительную часть страны и осадил Ленинград, власть была готова действовать так же, как те, кого она сурово преследовала за спекуляцию.

Ленинградские власти не решились на реализацию новоторгсиновского проекта. Однако стремление государства пополнить бюджет не уменьшалось. В соответствии с телеграфным указанием Наркомторга СССР в ленинградских магазинах с 11 мая 1942 г. розничные цены на изделия из золота, платины и серебра были значительно повышены. Так, цены на золотые и платиновые изделия возросли на 276%, на золотые реставрированные часы — на 140%, на серебряные портсигары — на 217%, на прочие весовые серебряные изделия — на 170%⁵⁸. Аналогичным образом повсеместно, в том числе в магазинах Ленинграда, с 4 октября 1942 г. розничные цены на водку, пищевой спирт, денатурат, изделия винодельческой промышленности были повышены на 100%, на пиво, алкогольную брагу, духи, одеколон и душистые воды на 50%⁵⁹.

В Ленинграде остро не хватало не только продовольствия, но и промышленных товаров, цены на которые тоже повышались. В ноябре 1942 г. была введена система преимущественного снабжения промтоварами по ордерам для рабочих производственных предприятий, которым продавалась кожаная и резиновая обувь, ватники, ватные шаровары, трикотаж, белье, чулки, носки, юбки, хлопчатобумажные платья, одеяла и полотенца⁶⁰. Одновременно в Кировском универмаге и ДЛТ (Дом ленинградской торговли) производилась торговля промтоварами по повышенным ценам (без карточек). Цены в этих универмагах на основные промтовары (текстиль, швейные изделия, обувь) были при-

мерно в 2,5 раза выше цен на аналогичные товары, реализуемые в общей торговой сети по карточкам. Оборот двух универмагов, реализующих промтовары без карточек, составил в 1942 г. 62,5 млн р., или 12,1% к общему городскому товарообороту по промтоварам. Показательно, что спрос в универмагах на все товары, продававшиеся по повышенным ценам, был неослабно высокий, хотя покупатели требовали продукцию более высокого качества⁶¹. Продажа товаров широкого потребления по повышенным ценам, очевидно, породила у части горожан ожидания, что аналогичным образом будет организована коммерческая торговля продуктами питания, хотя не все были этому рады. «Ходят пакостные слухи, что скоро будут продавать водку по коммерческой цене», — записал 4 марта 1943 г. в дневнике боец истребительного батальона, позже секретарь комитета ВЛКСМ завода им. Сталина Б. А. Белов⁶². Ожидаемая и одновременно неприязненно воспринимавшаяся многими горожанами государственная коммерческая торговля, введенная и свернутая в 1941 г., была столь же негласно организована в 1944 г.

Казалось бы, карточная система должна была обеспечить равный доступ ленинградцев к необходимому для всех продовольствию. Однако это равенство было относительным. Громадная, многосоставная, чрезвычайно ригидная и смертельно недостаточная для большинства блокадников система распределения порождала большое недовольство, прежде всего обладателей двух низших категорий карточек для иждивенцев и служащих. Введенная вместе с карточками государственная коммерческая торговля позволяла государству в течение двух-трех месяцев войны получать дополнительный доход со своих граждан, увеличивая возможности их выживания и порождая несбыточные надежды.

Голодные жители блокированного города-фронта постоянно искали средства не погибнуть, спасти от голодной смерти близких. Многие шли на рынок, выбирали между комиссионными магазинами, скупочными пунктами и спекулянтами, по сути занимавшимися той же скупкой и порой могущими предложить больше, чем государство. Блокадники были крайне недовольны иерархией потребления, связанной с рыночной стихией, хищениями и спекуляцией. Дополнением к не дававшей многим шансов на жизнь распределительной системе, безжалостному рынку и спекуляции выступала государственная коммерция.

¹ Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997; Погребняк А. И. История торговли советского периода: новые факты, суждения. Красноярск, 2001; Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011; Ломагин Н. А. В тисках голода.

- Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. Изд. 2-е. СПб., 2014.
- ² 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 408.
  - ³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 17. Д. 402. Л. 79.
  - ⁴ 900 героических дней. С. 285; *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда. М., 1996. С. 214.
  - ⁵ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 297. Л. 8.
  - ⁶ 900 героических дней. С. 408.
  - ⁷ *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР. С. 75.
  - ⁸ 900 героических дней. С. 19; Очерки истории Ленинграда: В 6 т. Т. 5. Л., 1967. С. 100; Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Л., 1985. С. 93; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3: январь 1943 – январь 1944. СПб., 2017. С. 17.
  - ⁹ *Зверев А. Г.* Записки министра. М.: Политиздат, 1973. С. 49.
  - ¹⁰ *Ильина Л. Л.* Начало распада Советской империи. 1941–1953 годы. СПб., 2006. С. 10.
  - ¹¹ *Шмелев О.* Память блокадного мальчишки. СПб., 2008. С. 32.
  - ¹² *Завадский В. А.* Блокада, война и мир (критический анализ некоторых мифов и вымыслов). СПб., 2015. С. 40.
  - ¹³ *Скрябина Е. А.* Страницы жизни. М., 1994. С. 114.
  - ¹⁴ *Руднева М. М.* Блокадный дневник (1941–1942) / Послесл. и публ. А. Л. Маковского. СПб., 2020. С. 19.
  - ¹⁵ *Сомов Е.* Обыкновенная история в необыкновенной стране. СПб., 2001. С. 291; *Мухайлов Б. М.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 36; *Завадский В. А.* Блокада, война и мир. С. 41.
  - ¹⁶ *Кулябко В. Г.* Блокадный дневник // Нева. 2004. № 1. С. 214.
  - ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 297. Л. 8.
  - ¹⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 20. Д. 1. Л. 1, 2.
  - ¹⁹ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 50.
  - ²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 297. Л. 8.
  - ²¹ Новые архивные документы / Сост. и коммент. Н. Ю. Черепенина // Нестор. № 8. О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 51. (Примеч.)
  - ²² Ленинград в осаде. С. 188.
  - ²³ *Соколов А. М.* Битва за Ленинград и ее значение в Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 97.
  - ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 4. Л. 11.
  - ²⁵ Ленинград в осаде. С. 267.
  - ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 4. Л. 12.
  - ²⁷ *Дунаевская Н.* Наше совершеннолетие: Повесть о блокаде и эвакуации / Науч. ред. А. Л. Дунаевский. СПб., 2014. С. 33, 34.
  - ²⁸ Ленинград в осаде. С. 267.
  - ²⁹ Там же. С. 197.
  - ³⁰ *Злочевская Б. В.* «Не вырваться нам из этого ада...» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 6 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2019. С. 57, 58.
  - ³¹ Дневник жителя блокадного Ленинграда Владимира Евграфовича Грушвицкого // Аврора. 2015. № 1. С. 209.
  - ³² *Островская С. К.* Блокадные дневники // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 10. СПб., 2006. С. 218.
  - ³³ «Мы сделали дружнее, мудрее, очищенные этим страданием». Дневник художника С. В. Ганкевича (январь–март 1942 г.) / Публ. Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева // Еже-

- годник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб., 2015. С. 420.
- ³⁴ *Ползикова-Рубец К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 26.
- ³⁵ *Болдырев А. Н.* Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 55.
- ³⁶ *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М., 1994. С. 43.
- ³⁷ *Островская С. К.* Блокадные дневники. С. 226, 227.
- ³⁸ «...твои письма — документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945 / Подг. текста, предисл., коммент. Е. Н. Груздевой. СПб., 2013. С. 37.
- ³⁹ «Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году». Тетрадь № 1 / Публ. Л. П. Громовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 470.
- ⁴⁰ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 161.
- ⁴¹ «...твои письма — документ незабываемого времени...» С. 46.
- ⁴² «Когда это кончится?»: Блокадный дневник Ольги Носовой (1941–1942 гг.) / Вступ. ст., публикация, примечания В. М. Ковальчука, А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. СПб., 2008. С. 367, 368.
- ⁴³ *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 341.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 131, 131 об.
- ⁴⁵ *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 349.
- ⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 55.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 11. Д. 99. Л. 44; Блокадный дневник учителя Винокурова А. И. // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 271; *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 173; *Шапорина Л. В.* Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 328.
- ⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 32. Л. 94.
- ⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 45.
- ⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 32. Л. 101.
- ⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 40. Л. 47.
- ⁵² ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 32. Л. 97.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 181; *Островская С. К.* Блокадные дневники. С. 294.
- ⁵⁵ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 32. Л. 100.
- ⁵⁶ *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР. С. 294.
- ⁵⁷ *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 19.
- ⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 71. Л. 176.
- ⁵⁹ Там же. Л. 300.
- ⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 77. Л. 53.
- ⁶¹ Там же. Л. 54.
- ⁶² Там же. Оп. 11. Д. 9. Л. 110 об.

References

900 *geroicheskix dnei. Sb. dokumentov i materialov o geroicheskoi bor'be trudyashchikhsya Leningrada v 1941–1944 gg.* [900 heroic days. Documents and materials about heroic fight of workers of Leningrad in 1941–1944. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.

DUNAEVSKAYA N. *Nashe sovershennoletie: Povest' o blokade i evakuatsii / nauch. red. A.L. Dunaevskii.* [Our coming of age: The story of the blockade and evacuation / scientific. ed. A.L. Dunaevsky. In Russ.] St. Petersburg, 2014.

Leningrad v osa.de. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1944. [Leningrad in a siege. The collection of documents on heroic defense of Leningrad in days of the Great Patriotic War of 1941–1944. In Russ.] / Otv. red. A. R. Dzeniskevich. St. Petersburg, 1995.

LOMAGIN N. A. *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhb, NKVD i pis'makh leningradtsev.* [In the grip of hunger. The blockade of Leningrad in the documents of the German special services, the NKVD and letters from Leningraders. In Russ.] St. Petersburg, 2014.

LYUBIMOV A. V. *Torgovlya i snabzhenie v gody' Velikoi Otechestvennoi vojny.* [Trade and supply during the Great Patriotic War. In Russ.] Moscow, 1968.

MIKHAILOV B. M. *Na dne blokady i vojny.* [At the bottom of the blockade and war. In Russ.] St. Petersburg, 2001.

Nepokorenniy Leningrad. Kratkii ocherk istorii goroda v period Velikoi Otechestvennoi vojny. [Unconquered Leningrad. A brief outline of the history of the city during the Great Patriotic War. In Russ.] / Otv. red. V. M. Koval'chuk. Leningrad, 1985.

Novye arkhivnye dokumenty [New archival documents In Russ.] / Comp. and comm. N. Yu. Cherepenina // Nestor. N 8. O blokade Leningrada v Rossii i za rubezhom. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya. St. Petersburg, 2005. (N 2) P. 11–56.

Ocherki istorii Leningrada. [Essays on the history of Leningrad. In Russ.] Vol. 5. Leningrad, 1967.

OSOKINA E. A. *Za fasadom "stalinskogo izobilija": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941.* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941. In Russ.] Moscow, 1997.

POGREBNIYAK A. I. *Istoriya torgovli sovetskogo perioda: novye fakty, suzheniya.* [The history of trade in the Soviet period: new facts, judgments. In Russ.] Krasnoyarsk, 2001

SALISBURY H. *900 dnei. Blokada Leningrada.* [The 900 Days: The Siege of Leningrad. In Russ.] Moscow, 1996.

SOBOLEV G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga tret'ya: yanvar' 1943 – yanvar' 1944.* [Leningrad in fight for survival in blockade. The third book: January, 1943 – January, 1944. In Russ.] St. Petersburg, 2017.

SOKOLOV A. M. *Bitva za Leningrad i ee znachenie v Velikoi Otechestvennoi voine.* [The battle for Leningrad and its significance in the Great Patriotic War. In Russ.] St. Petersburg, 2005.

SOMOV E. *Obychnennaya istoriya v neobychnennoi strane.* [An Ordinary History in an Extraordinary Country. In Russ.] St. Petersburg, 2001.

TVERDJUKOVA E. D. *Gosudarstvennoe regulirovanie torgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoi analiz.* [State regulation of trade in the USSR (late 1920s – mid 1950s): historical and legal analysis. In Russ.] St. Petersburg, 2011.

ZAVADSKII V. A. *Blokada, voina i mir (kriticheskii analiz nekotorykh mifov i vymyslov).* [Blockade, war and peace (critical analysis of some myths and fictions). Russ.] St. Petersburg, 2015.

ZINICH M. S. *Budni voennogo likholet'ya, 1941–1945.* [Everyday life of the war, 1941–1945. Russ.] Iss. 1. Moscow, 1994.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Л. Пянкевич. «Успех только будет при открытии коммерческих магазинов»: Горожане, власть и государственная коммерческая торговля в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 216–229

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы государственной коммерческой торговли, ее роли в жизни заблокированного города, отношения к ней обычных горожан и руководства Ленинграда. Во время блокады большинство ленинградцев оказались в катастрофическом положении прежде всего из-за нехватки продовольствия. Один из вариантов выхода из тяжелой ситуации городская власть и часть горожан видели в государственной торговле продуктами питания по значительно более высоким, нежели в обычных магазинах ценам. Такая торговля была организована в городе практически одно-

временно с введением карточек на хлеб. У коммерческих магазинов и предприятий общественного питания, поначалу малодоступных из-за нехватки средств у большинства ленинградцев, со временем стали возникать длинные очереди. Осенью 1941 г. государственная коммерция была постепенно свернута. Однако в условиях голода, масштабной рыночной торговли и разгула спекуляции многие блокадники говорили, передавали слухи, мечтали о возрождении государственной коммерческой торговли. Некоторые блокадники обращались к руководителям города, предлагая организовать торговлю продуктами питания по коммерческим ценам и в обмен на ценные вещи. В августе 1942 г. был подготовлен проект решения Ленгорсовета об открытии в городе двух магазинов для продажи населению продовольствия за сданную государству иностранную валюту и драгоценности. Проект не был реализован. Организация государственной торговли по повышенным ценам позволяла власти изыскивать дополнительные ресурсы, удовлетворять просьбы многих, вызывая ощущение несправедливости у большинства. Статья основана на свидетельствах блокадного периода (официальные документы, дневники, письма), устных свидетельствах, собранных вскоре после блокады и войны, и воспоминаниях горожан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, государственная коммерческая торговля.

V. L. Piankevich. “Success will be only at the opening of commercial stores”: People, power and state commercial trade in besieged Leningrad // Petersburg historical journal, no. 3, 2020, pp. 216–229

Abstract: The article is the study of state commercial trade problem, its role in the life of besieged Leningrad, the attitude of ordinary citizens and the city leadership towards it. During the Blockade, most Leningraders were in a catastrophic situation, primarily due to lack of food. One of the options for overcoming the difficult situation, the city authorities and some citizens considered the state trade in food at much higher prices than in ordinary stores. Such trade was organized in the city almost simultaneously with the introduction of cards for bread. Long lines began to appear over time near the commercial stores, public catering establishments, initially inaccessible due to lack of funds for the majority of Leningraders. State commerce was gradually phased out in the fall of 1941. However, many of the blockade survivors spoke, passed on rumors, and dreamed of a revival of state commercial trade in conditions of hunger, large-scale market trade, and rampant speculation. Some of the blockade survivors turned to the leaders of the city, offering to organize trade in food at commercial prices and in exchange for valuables. A project of decision the Leningrad City Council on the two stores for sale to the population of food for foreign currency and jewelry opening was prepared in August 1942. The project has not been implemented. The organization of state trade at higher prices allowed the authorities to seek additional resources, satisfy the requests of many, causing a feeling of injustice among the majority. The paper is based on the evidence of Blockade's period (official documents, diaries, letters), oral evidence, which appeared shortly after the blockade and the war, memories.

Key words: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, state commercial trade.

Автор: Пянкевич, Владимир Леонидович — д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: Piankevich, Vladimir L. — Dr. of Science (History), Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: v-pyankevich@yandex.ru